

ЕВГЕНИЙ ХВАТ | ЧЕНСКИЙ  
ПО РОТО

РАННИЕ СТИ-  
ХОТВОРЕНИЯ

Н. К.  
В.

И. Р Л А Т И Н С К О Е

Пейзаж под светом не прочёлся:  
ему дано условие тьмы.  
Там карандаш "тм" прошёлся,

долину превратив в холмы.

На этой плоскости рифлёной мы одурачим Апполона,  
как сделал некогда Гермес,  
украденных коров по склону  
ведя — вперёд хвостами — в лес!

Мы хитрости своей стыдимся, но Апполону не сдадимся,  
и в том неизъяснимый смак,  
что "Я" шагающая буква, и связки трав моя обувка,  
и на песке не след, но знак.

1980

#### ПРИБЫТИЕ

В образовавшемся от слова "оба",  
2 раза раскрывающемся, — чтобы  
создаться и разрушиться, — объятие  
его объект случайный пребывает,  
пока его рассвет не прибывает  
к пустой кровати.

Подольше, милый друг, подальше плавай,  
но в том же положении купанье  
прерви, в котором был при засыпанье,  
чтоб левая рука не стала правой.

Прилив утра, а если и отхлынут  
обратно волны — то уже без груза,  
которому натянутая блуза  
послужит, как континентальный климат,

над водами ночного парадокса  
он сможет вновь похвастаться господством,  
как все береговые пароходства —  
над мореходством.

Зима 1980-81

## ПЕРИОД

Упорядочен ряд моего обихода.  
Ибо "о" кислорода уходит в таблицу.  
Ибо время четвёртое данного года  
Далеко, ибо окна открыты в теплицу,  
Где тепло; и рука моя движется плавно,  
Будь пред нею цветок ли, бутылка, ланиты,  
Намечая подпункты душевного плана,  
Различая, какие сосуды налиты,  
А какие порожни; скелета осанка  
Улучшается; в речи классический термин  
Уступил многоточию; вроде осадка,  
Но уже не взболтнуть, опускается темень,—  
То есть всё выдаёт человека со вкусом  
/Кроме этой последней, пожалуй, посылки/,—  
И таким отрицательным следуя курсом,  
Удивляюсь, что мя не кладут на носилки.

1980

Вокруг снега на сотни км.,  
внутри молдавский вермут.  
С дерьмом смешай себя — никем  
не будешь опровергнут. Сядь  
туда, где было кресло.  
И, если не успел ты взять  
ни скипетра, ни жезла, пол  
ударив днищем таза,—  
благодари монгол, что кол  
не подставляют сразу, но  
дают, как ты, счастливым  
подняться и предаться гно-  
сеологическим мотивам.

4 Похоже, что любовь, арест  
и прочие события,  
сменившие ландшафт окрест,  
не могут из забытья дух  
направить к звёздным высям:  
он к этой музыке не глух —  
но видимо, зависим он  
от самого себя лишь.  
Зато и не падет сей трон  
под натиском седалищ. Так  
о всякой передрыге  
свидетельствовать может знак  
незамутнённости бумаги.

Однажды утром ты начнёшь  
менять, войдя в квартиру,  
остановившийся чертёж  
часов по транспортиру, над  
изножием без грелки,  
и вот на 360°  
поворотятся стрелки,— мол,  
не лицемерь, заветных  
себе выгадывая пол-  
часа, не жди сюжетных снов,  
закрыта фильмотека,  
и дни, как говорил Иов,  
бегут скорее человека.

## САМОКОНТРОЛЬ

Кончается сезон.

Вся комната в просёлочной грязи.  
Сужая клумбу, тротуар, газон,  
опустим жалюзи.

/Во многообещающую даль  
смотреть уже не нужно в той связи,  
что в жизни что-то значит та деталь,  
что нет тебя вблизи./

/Гречанка и Адель,  
мне служит подтверждением, что нет  
тебя вблизи, прообраз и модель,  
твой образ и портрет./

/За недостатком тем  
тебя я бросил, т.е. предпочёл  
падежному вопросу с кем и с чем  
вопрос — о ком, о чём./

/Ещё вчера  
я выбегал к дверям, снимать засов,  
на звон монет, на пенье комара,  
на бой часов./

/Но, кажется, теперь  
за эти звуки я принять бы мог  
действительно раздавшийся звонок  
в дверь./

/Он меня сознания не лишит.  
Здесь дома все и ты здесь не нужна.  
Передо мной по-прежнему лежит  
твоя кровать, твой шаткий стул сидит.  
Стоит твоя стена./

## ИЗ ЖИЗНИ    ххх

ххх до полудня простаивает  
у окна, где небес водоём  
крутит листья, ноябрь отстаивает  
рубежи, а декабрь настаивает  
на своём.

Чай кипит, и углы согреваются,  
но не сами — в преддверии сна —  
у ххх глаза закрываются,  
— раз при этом душа обрывается  
и теплеет спина.

ххх поддаётся обману:  
в нашей жизни загадок полно, —  
и, лелея лукавые планы,  
называет от Анны до Яны  
имена, пропуская одно.

И за это ххх в наказание  
в темноте получает пинка.  
— Кто же это? В Нью-Йорке, в Лозанне я,  
в Шепетовке ль Вам дал указание  
приходить без хотя бы звонка?

Но, однако, Вы рук не снимаете  
слишком долго с лица моего, —  
Вы надежду почти отнимаете,  
Вы-то сами меня обнимаете,  
только я до сих пор никого!

Всё сильней подрываете Вы мою  
убеждённость, что я не ослеп.  
Сам сниму Ваши руки и вымою,  
и одной потянусь я за "Примою",  
а другою нарежу я хлеб.

Прислушайся к роще дыхания.  
Оно — точно после пахания  
дотоле невиданных пашен.  
Прелюбой распаханно сонною,  
пробежкой-затяжкой бездонною,  
и плуг ему больше не страшен.

Прислушайся к сердцу стучащему.  
Досталось наполненных чаш ему,  
оно как тяжёлая лира.  
Но кровь его стала звучащей,  
в артериях, мнящихся чашей,  
дурные тельца покорила.

...Запретные дали запрудные,  
стекают дома изумрудные  
по барскому чёрному меху.  
Взрыхлённое правой лопаткою  
и левой, на сладости падкою,  
смешение вкуса и смеха.

...Как трудно из чайника выкипеть  
воде, и как медленно выкопать  
в оконце незрелую ямку!  
Пропитое хочется выкупить,  
младенчика хочется выкупать,  
и хочется спать китаянку.

1979-83

Я отвернусь, как латинское R,  
к стенке пустой. Не ищи идеала  
в жизни. Ты сам для кого-то пример,  
так завернувшись в своё одеяло,

как завернулся. А впрочем, к чему  
здесь обращение? К кому обращаться, —  
уж не к себе ли? И вправду, ему  
нечего кем-то ещё обольщаться.

Утром лежи, никуда не беги.  
Даже на шум головной перестрелки.  
Ибо не знаешь, с которой ноги  
встать и в какой оказаться тарелке  
каждое утро. Так переверни  
белые ночи с их тьмою заглазной, —  
что обнаружится? Чёрные дни.  
Будь же в реальности, с речью согласной.

Ляг на прекрасный, как женщина, пол,  
глянь в потолок, где готовы приняться  
злаки о будущем. Главный глагол —  
"быть", чтоб они продолжали меняться.

1980

...Очертанья обретши,  
надвигается нечто другое,  
и конец, хоть обрежь ты,  
виден жизни, как голого голя.  
В этом смысле улечься,  
аки в классике русской, на рельсы,  
чтобы муть эта с плеч вся, —  
равносильно принять еврейства.

9  
Я с зелёной тоскою  
закононого длинного лета,  
как пристало изгюю,  
спору змием такого же цвета.  
Видно, действие водки  
для залитых глазниц и приятно  
тем, что фотонаводке,  
а потом проявленью обратно.

Переезд. Кругозора  
расширение за счёт лексикона.  
Океаны. Озёра.  
Лорелея. Медуза Горгона.

Закалился палладий.  
За спиной тишина шелкопряда.  
И глазами исчадий  
мы глядим на Пресветлое Чадо.

10

Вновь не умер во сне — это я.  
Потому что гайтан не петля.  
И зима, словно грудa белья.

Знать, Господь продолжает спасать.  
Но и тот не кончает плясать.  
И в о р о н к а влетает всосать

человека читавшего По  
в полумраке писавшего про  
в нашей жизни глухое тепло

проникающий холод любви.

Я беру тот же самый минор  
пятернёй, не достав до Ленор,  
что зови-не зови.

- Над деревьями вейся,  
падай с неба наклонно, отвесно,  
ощущение веса  
отнимай у бегущего в лес, но

не лишай равновесья  
на трамплине, а кончатся горы -  
узкий въезд в редколесье  
приоткрой, раздвигаясь, как шторы,

- дуя с веста и оста,  
наложи на ланиты румяна,-  
то, что чем-то зовётся,  
но само о себе безымянно,-

бей в зрачки мне на трассе,  
растворись в леденеющей лимфе,  
- в наши дни на Парнасе  
попросторнее, чем на Олимпе!

1982

Д В О И Ц А

I

В наших широтах  
зимы пушисты,  
вёсны дощаты.

Ходят в сиротах,  
гибнут фашисты,  
нет им пощады.

В этих пространствах  
вязнут французы,  
будто в болоте.  
Об иностранцах  
местные музы  
плачут в полёте, —

уж заработав  
вечную грыжу  
с радикулитом  
от перелётов  
с крыши на крышу  
к новым пиитам.

12

## II

В широтах наших  
пушисты зимы,  
дощаты вёсны.

От снов монарших  
хохлы, грузины  
грустны, нервозны.

Печальны чукчи,  
усталы коми,  
расстройство в курдах,  
и жалки кучки  
якутов, кои  
ютятся в юртах.

Двуглавый, с Югом  
наш Север в ступке  
смешав, распался.  
А то б друг с другом,  
что две голубки,  
поцеловался.

Март 1982

## ПАМЯТИ БЕССАРАБИИ

а/

сентября дуновенье соборного  
достигает меня в октябре  
краснотой винограда отборного  
и блаженства глоток подзаборного  
нам дарует на заднем дворе.

А потом, закусив абрикосами,  
теплоту округлив папиросами,  
мы следим, как пустеет земля  
и косцы, уносимые косами,  
опускают на землю поля.

Но какие ещё ощущения  
предстоят нам, какие места, —  
не услышим: сие запрещение,  
победивши его наущение  
в наши уши, легло на уста.

6/

третий день я под Музою ёрзаю,  
навалилась что твой медоed,  
разрешиться же нискою прозою  
запрещает она, не дает.

А вокруг ситуация сельская, —  
есть местечко, где травку примять, —  
вулканештская, долнская, бельская,  
чадырлунгская, [REDACTED] !

Здесь родимая азбука дикая,  
на романскую красную нить  
перенизана, движется, ыкая,  
так что хочется выйти и выть.

Здесь грядущего нет, будто пыльную  
пять и кисть виноградных полей  
повернули к цыганочке тыльной  
стороной, чтоб гадала по ней.

1982

15

...Как вспомнишь дни морозов вязких,  
их вражеский наскок,  
и колкость варежек варяжских  
и вязаных носков,  
— и весь, составленный из белых  
осколков и кусков,  
на счастье выпавших тарелок  
из рук, калейдоскоп!

И в рифму, в рифму шлём Европу,  
и греческих календ  
не ждём, когда по черностопу,  
чтоб снегу до колен,  
перебираемся мы прямо в  
середину бытия!  
— и можно мне там двести граммов,  
любимая моя?

Где три — Оружейный, Монетный, Каретный —  
двора уголок образуют секретный,  
а рядом бесхлебную пьют без стакана,  
— там ты ожидаема, Зимняя-Анна.

Где в варежки-руки, под валенки-ноги  
— российские люди одеты-обуты —  
катятся-летят по известной дороге  
больших государевых дел атрибуты,

где спущены вожжи, распущены гривы,  
где сыпятся гильзы и падают гривны,  
твердеют просёлки, ровнеют равнины,  
— там нынче настали твои именины,

и если сегодня не грохот ведёрный  
причиной окажется кожи гусиной,  
то значит, вошла ты в тебе отведённый  
из наших дворов знаменитый Гостиный.

1980

Даль, что открытый толковый словарь  
этого автора. Всякая тварь  
чёрное слово имеет свое  
и объясняет себя самое.

Молча закрыть эту книгу пора!  
Или не видишь — любая нора  
алчет взлететь с обитателем до  
верха и там обратиться в гнездо.

Сказано было: народ возвращу.  
Нужно читать, как: земле возвращу.  
Ибо слепая болотная гладь  
лучше чем Небо нас может принять.

Дикое место, но сам посуди:  
Ангел с мечем впереди позади,  
остров ослепший пророк Валаам  
едет на Осло, и как головам

влево, туда, где обход, не кивать —  
на Олонец, Сортавалу, Кивач?

1980

I

По утрам сквозь дверь проникает трель, там электродрель,  
там подъёмный кран, там рабочий клан выполняет план,  
там воздвигнуть мнят за текущий март трёхэтажный мат:

- У меня озноб! Жизнь моя, да чтоб тебе слохнуть! [REDACTED]  
[REDACTED]! опять мне пора вставать, застилать кровать,  
брать ручную кладь - и наружу, [REDACTED], головой в сугроб!

Не цветок нарцисс вынимают из голубых теплиц  
для глухих петлиц пиджаков царьков кабаков столиц,  
а паршивый ЖЭК, - где мне дело есть, раз ещё не зэк,

чтоб рвануть в побег, - заставляя грести их советский снег!  
И гляжу в УК, и обидно то, что дружком одним  
он открыт пока на статье лишь сто девяносто-прим!..

## II

За Кандалакшей,  
около Круга,  
с смуглою ляжкой  
юга [ ] юга

снится порою  
той, как ребровский  
тянет повозку  
за Медгорою,  
в Медвежьегорске,  
к Петрозаводску.

Снегу по чресла,  
и остоло, [ ] ло,  
ежели честно,  
чудище обло, —

сбита калитка,  
и на Архангельск,  
к Белому морю,  
скачет малик да  
крадется нарыск  
рядом с сакмою.

Свет ли тут ясен  
Троица явит,  
около прясел  
след ли оставит

мурома хмура,  
блудная меря,  
тусклая тепьра  
— гнедого тура,  
лютого зверя,  
дикого вебря?

## III — в столыпине —

Ночь как водохранилище,

Братская, скажем, ГЭС,

- утро как водопад.

Выйдешь в преддверье нищее,  
- весь с головы до пят. встанешь, теряя вес,

19 Чтобы открылся слив,  
ветер пойдёт в уборную, двинь рукоять смесителя,-  
втянется грохот. И в  
дырку кидайся чёрную! пушкинского зрителя

# МАРТОВСКИЙ ДИПТИХ

## I

Лаврового венца  
стоял сиявший снег.  
Это опять — весна.  
Полуанглийский сленг

улиц и площадей  
вновь баламутит речь.  
Где её раб Фаддей,  
мелкий блюститель Греч?

Ей без подобных слуг  
страшно: одно из двух:  
либо пристрастный слух,  
либо бесстрашный звук!

— а для её господ  
чернью давно сплетён  
в новый венок из-под  
ног выроставший тёрн.

## II

Тернового венка  
мертвящий ободок.  
Метро ВДНХ,  
как выдох сквозь платок.

Как выбраться быстрее  
из недр твоих, сабвей,  
толпы твоей, пестрей  
словесности своей?

Языческий язык  
мне страшен потому,  
что я и нему привык,  
что строю по нему, —

что грифелей извёл!  
тетрадей изорвал!

И вот уже расцвёл  
вечнозелёный лавр.

1982

Снег выпал как на голову,  
мороз как по коже прошёл,  
пуховую наволоку  
над нами январь распорол,  
небесную паволоку,  
нам в память вернув монголит,  
и хочется к Парголову,  
да Родина-Мать не велит.

21

Она моя северная,  
с которой Мария на Я,  
затем и потерянная,  
что Небу подаренная, —  
тем звуком озвученная,  
тем светом засвеченная,  
— о жизнь пережученная  
и смерть пересмерченная!

...Сегодня я вышел,  
собой стихию томя, —  
никто не услышал,  
как кто-то нашёл на меня  
тепло и жестоко,  
и первый мне стал ощутим  
задох от шестого  
крыла твоего, серафим.

1982

СЕВЕРО-ЮЖНОЕ

Пред тобой стоит печален  
петрозаводчанин.  
Не играй ты с ним в молчанку,  
петрозаводчанка!

/Потрясающую новость  
знает кишинёвец.  
Что пред ней твоя обновка,  
злая кишинёвка!/  
/

Обними ж его, карелка  
/молдаванка то есть/,  
послужи ему как грелка  
/как река по пояс/,  
/

чтобы в сумрачном полярном  
он согрелся круге  
/чтоб от выжженных полян он  
не погиб на юге/.

Лёд колоть ведь больше не с кем  
/"ляну" собирая/  
на просторе олонецком  
/в зное Бессарабья/.

Раздобудь же гогошары  
/снега, снега горстку!/,  
поезжай с ним в Дондюшаны  
/и к Медвежьегорску/,  
/

да по свежим Заонежьям  
/Приднестровьям смрадным/,  
колеям, углам медвежьим  
/и по виноградным/.

Покажи ему, где ездит,  
где зима, где лето,-  
до того, как он исчезнет  
в небе и в земле-то.

Вот начинается кошмар.  
Он сверху вроде голых шмар,  
он сбоку будет как бурьян,  
а снизу как тропиночка.

Меня, по-моему, где-то ждут.  
Огонь, должно быть, сильно вздут.  
Какой нашли во мне изъян?  
Пойдём со мной, Мариночка!

1982-83; перевернуто в 1984-ом

простилось всё те.  
не блудом, но раскаяньем, — дабы  
взрастая из твоей истлевшей плоти,  
Пусть будут травы, злаки и грибы,

тебя в Спасение сместила.  
что, словно ветер, тлеть заставив прах,  
конца её? Единственная сила,  
Что есть в себе от жизни, как не страх

III

дохнёт твоею будущою гарью.  
и в грешное лицо твое она  
облаплены полнеющею тварью,  
Живот и грудь, и горло и спина

гореть хамелеоном, лезти крабом.  
и звёздной ночью заставляет страх  
причём не тот, стоять которым бабам,  
На Скорпиона наползает Рак,

II

широкой астмы и бронхита.  
в твоём дыхании, расчищенном от рош  
листву сухую, что звенит Колхида  
Ты так давно струёю этой жжёшь

течёт же по ложбине мозельвейном?  
где что-то разгорается в соске,  
в грудном ли копошенье можжевельном,  
Скажите, место страхам и тоске

I

В чуждом краю орхидеи и лотоса,  
архидеи и дряхлого логоса,  
тонкого голоса, красной экзотики,  
где от жары опахала и зонтики  
против воды, с небосвода копающей  
яму, — немало побродишь, пока еще  
вновь хлебодача убьёшь фараонова  
и виночерпия, в бедствии оного,

вновь пощадишь ты, а вскоре двойкий  
сон фараона разбудит во мраке,  
и, рассыпая песок золочённый,  
— не заключённый, но в дом залучённый —  
примешь тяжёлого света эгиду,  
станешь главою второму Египту,  
в детстве с постели отцовской опеки  
встав с изголовьем, что с нимбом навеки, —

чтобы душа совершила побег  
в чудную землю вне власти ОПЕК,  
да заманил бы не запах, а Дух  
тело туда, где по главной из дуг  
в самых высотах небесных высот,  
не грохоча, колесница везёт  
в зное утра, как огромное бра,  
к близкому вечеру светлого Ра.

Чтобы потом под рукою пророка  
тьмою густой осветилась дорога,  
нас выводящая из преисподней  
к дому знаменьями Славы Господней.  
Хлебы возложим и соли насыпем, —  
не человек, но ломоть ненасытен, —  
кровная жертва сынам Аарона,  
от повторений её оборона,

и уклониться никто не осмелится, —  
крутится мельница музыки мельница, —  
вечных времён лепесточки и лопасти  
в чуждом краю орхидеи и лотоса,

— где принимаешь ты знамя небесное  
и, уцелев под вселенскою ношею,  
дальше несёшь опахало одесную  
или — при жизни Иосифа — бшую.

ХОДЫ

Господь Саваоф  
— от Имени вправо, к Деснице  
сквозь строй соловьёв,  
насквозь к журавлю от синицы,  
что тот садовод,  
что ветром нисходит к соцветью  
себя самого,—  
и жизнь, освящённую смертью...

На пыльной Сафо  
когда ты лежишь, не зови и  
не жди никому  
явления Марии, Софии,—  
и взявший суму,  
несущий двуперстье в ладони,  
дороги сурьму  
с лица не смывая, Её не...

Я скоро умру.  
Оно — сладкозвучная тайна,  
пока я живу,  
начало листвы, щебетанья  
почти наяву,  
и в теле моём веселится,  
когда в синеву  
смущённый полёт василиска...

Сомну, разорву!...

1982-83

Шёпот птиц над головою  
Алконоста предварит,  
Алконоста предварит,—  
так Господь нам говорит.

27  
Переполнило лампадку  
подсердечным нам теплом,  
потянуло под лопатку  
засквозившим нам крылом,  
принесло к иконостасу  
нашу голову в руках,  
голубок, напрягшись, сразу  
оказался в облаках.  
Римский-Корсаков с Чайковским —  
рондо и речитатив,  
по хорам своим московским  
покатившись-покатив,  
замирают в отдаленье,—  
а поблизости, верша  
вод земельных одоление,  
искупается душа.

Алконоста предварит,  
Алконоста предварит,-  
так Господь нам говорит.

О кончине мира грустной  
перья чюдные пищат,  
но мы ждём, когда нам в устной  
форме это сообщат.  
Вызывая мочевицу,  
в леденеющих сердец  
нежилую сердцевину  
за молитв святых отец  
пусть быстрее заливают  
огнекаменный раствор,  
раз притворствуя зевают  
и теснят себя в притвор!..

Этим оловом окормит  
нас уныния монгол,-  
всех, кто ризами обёрнут  
и грехом тяжёлым гол.

Алконоста предварит,  
Алконоста предварит, —  
так Господь нам говорит.

На абсциссе с ординатой  
наш Спаситель был распят.  
За стопой Его распятой —  
ось незримых аппликат.

Мир снаружи сам сосновый, елейный,  
изнутри же известковый, келейный,  
видно черепа селенье  
зрящим выше, чем в зенит,  
пепел мыслей только тленье  
с внешним прахом единит.

Жизни в смерть простой смеситель  
передвинет бес, губя.

"Если Некто — твой Спаситель,  
пусть спасет теперь тебя."

16.6.83

## ПО ЧЕРНОСТОПУ

### В ЛАТИНСКОЕ

|                                    |    |
|------------------------------------|----|
| "Пейзаж под светом не прочёлся..." | I  |
| Прибытие                           | 2  |
| Период                             | 3  |
| Северное трюмо                     | 4  |
| Самоконтроль                       | 5  |
| Из жизни <sup>xxx</sup>            | 6  |
| "Прислушайся к роще дыхания..."    | 7  |
| "Я отвернусь, как латинское R..."  | 7  |
| Записки с Кёльнского п-ва          | 8  |
| "Вновь не умер во сне — это я..."  | 10 |

### ПО ЧЕРНОСТОПУ

|                                          |    |
|------------------------------------------|----|
| " — Над деревьями вейся..."              | II |
| Двоица                                   | II |
| Памяти Бессарабии                        | I3 |
| "...Как вспомнишь дни морозов вязких..." | I5 |
| Декабрьское приветствие                  | I6 |
| "Даль, что открытый толковый словарь..." | I6 |
| На арест А.                              | I7 |
| Мартовский диптих                        | 20 |
| "Снег выпал как на голову..."            | 2I |
| Северо-Южное                             | 22 |

|                                     |    |
|-------------------------------------|----|
| "Вот начинается кошмар..."          | 23 |
| Простые восьмистишия                | 24 |
| "В чуждом краю орхидеи и лотоса..." | 25 |
| Ходы                                | 26 |
| Шёпот птиц над головою              | 26 |
| Весна да осень                      | 31 |

ВЕСНА ДА ОСЕНЬ

И.Б. /др./

То сосцами и почками вздуто,  
и светло и легко и псаломно,  
и открыто и ясно, как будто  
не темно и не тесно, и словно  
золотые от первого мавра  
здесь уже не торгуют дары, и  
точно марта поспешная Марфа  
не заменит нам мая Марии.

То мелькает за вечностью вечность,

1982

...у Клинке, Елене...  
...любознательности...

© Виктор Хоплов